

...Преступление, кажется, не может быть осмыслено с данных, готовых точек зрения, и философия его несколько потруднее, чем полагают.

Ф. Достоевский. «Записки из мертвого дома»

О Достоевском трудно сказать что-либо новое. Все, что можно было сказать о нем умного и дельного, уже сказано, все казавшееся когда-то новым и оригинальным устарело в свой черед, но всякий раз, когда в минуту горя и отчаяния мы обращаемся к нему, притягательный и страшный образ писателя является нам в ореоле вечно новых тайн и загадок.

Г. Гессе. «О Достоевском»

...И вычеркнута начисто из памяти неверной
Тоскующая правда

ночной

души.

Д. Андреев. «Русские боги»

Неизбежность отрицательного опыта и необходимость метафизики

Вездесущее зло

Трактаты и романы, авторы которых когда-либо обращались к теме преступления, — это правда, которую человек пытался и пытается говорить себе о самом себе. И, как правило, это правда мрачная и тяжелая, слышать которую не легко, а порою и просто страшно. Но таково реальное состояние дел. С тех пор, как существует цивилизация, истинная трагедия человеческого существования заключа-

ется в необходимости жить среди повседневно происходящих преступлений, видеть их отталкивающую суть, понимать весь их ужас и, вместе с тем, не иметь достаточных духовных сил, чтобы решительно и навсегда покончить с ними.

Мир лежит во зле. Земля пропитана кровью и слезами от коры до центра. Люди всегда страдали, продолжают страдать и не видно конца их страданиям. Не располагая возможностью полностью оградить себя от зла, не находя по-настоящему действенных средств, которые позволили бы ликвидировать преступность, человечество в лице многих крупных драматургов, романистов, философов вынуждено было признать ее в качестве неизбежного, неустрашимого атрибута цивилизации. Но это отнюдь не означало, что люди стоически мирились с существованием преступников и преступлений. С ними боролись и борются, их исследуют, стремясь постичь их природу. Так сложилась социальная ситуация динамичной антитезы, перманентного, нескончаемого поединка сил добра и зла, сторонников закона и беззакония.

Мировая философско-художественная мысль, целеустремленно исследующая разнообразные формы зла на протяжении тысячелетий, периодически вынуждена отвечать на прямой вопрос: зачем надо изучать феномен преступления. Французский философ XX века Мишель Фуко ответил на данный вопрос следующим образом: это необходимо для обеспечения единства видения мира, в котором существует не только сходное, но и различное.

Ответ Фуко примечателен тем, что находится в русле традиционной неоплатонической парадигмы, согласно которой мир изначально един. Древние неоплатоники утверждали, что некогда весь мир был сосредоточен в высшем абсолютном первоначале — Первоедином. Впоследствии,

когда Мировая Душа отделилась от Первоединого, на весь подчиненный ей физический мир, на все, что отягощено материальностью, легла печать отчужденности от бывшего всеединства. Так возникло зло. Говорить о последнем, что оно не от мира сего, нет оснований. Оно как раз то различное, что не вписывается в общий контекст сходного, единого и вместе с тем продолжает оставаться его составной частью.

Подобный взгляд, однако, не отменяет ряда других вопросов, связанных с локализацией конкретных источников и причин зла в виде типовых форм пороков и преступлений. Мир, при всем его единстве, бесконечен в его многообразии. Откуда, из каких его сфер совершаются эманации зла? Физический мир и метафизическая реальность, социальная среда и антропосфера — все эти области задействованы человеческим разумом в качестве вероятностных средоточий первооснов и первопричин преступлений. За каждой из сфер тянутся вереницы объяснительных позиций с характерным рисунком аргументаций. Большую часть из них объединяет признание того, что преступление представляет собой наиболее одиозный символ дисгармоничных отношений человека с миром и с себе подобными. Эта исходная и неустранимая дисгармония и заставляла во все времена говорить о мире как «лежащем во зле». Она же вынуждала видеть в человеке существо, бесконечно далекое от совершенства.

Одним из наиболее разительных примеров этой исходной дисгармоничности традиционно считается история прихода в мир Сына Божьего, окрашенная в кровавые тона преступления. Казалось бы, что может быть более несовместимым, чем Христос и убийство? Однако судьба Христа оказалась осенена сумрачной тенью преступной казни,

ставшей символом явного неблагополучия земного миропорядка.

Без сомнения, зло имеет свои особые, недоступные для рассудочного понимания предпосылки и основания. Совершенно очевидно, что не человек принес зло в мир и не человеку суждено избавить мир от зла. Видя, что мера зла в жизни чрезвычайно велика, что мир временами утопает во зле, как в трясине, что, убывая в одних местах, оно неизбежно прибывает в других, люди издавна привыкли воспринимать его как метафизическую константу. Если волны зла перестают бушевать в некий, отдельно взятый момент, то можно быть совершенно уверенным, что непременно рано или поздно нагрянут времена, когда зло неизбежно наверстает упущенное.

Достоевский считал, что тема зла, существующего прежде людей, захватывающего их в свой водоворот и заставляющего совершать преступления и гибнуть, — это «любимейшая» и «стариннейшая» из европейских тем.

Зло в его представлении имеет субстратно-атрибутивную природу. Оно, как позднее скажет Л. Шестов, вошло в мир, никого не спросив. И с тех пор оно обнаруживается в разломах бытия, в его провалах и расщелинах. Из них, как из вселенского подполья, взирает на всех устрашающий лик ночной души мира.

Обнаружить онтологическую, метафизическую природу преступлений — это значит столкнуться с неутешительной, но непреложной истиной: полное устранение преступности обычными, земными, человеческими средствами *невозможно* как невозможно устранить, скажем, смерть.

Трагизм подобного положения вещей сглаживается тем обстоятельством, что, по всей видимости, мера присутствующего в жизни людей добра столь же постоянна. Соот-

ношение добра и зла — другая метафизическая константа. При этом больше всего удручает то, что данное соотношение сложилось явно не в пользу добра. В этом убеждает опыт сотен поколений. Не случайно Достоевский писал о том, что зло — это вездесущая сила, соединяющая людей с гораздо большей прочностью, чем добро. Эту мысль на разные лады варьировали многие европейские философы в XX веке, утверждавшие, что зло в несравнимо большей степени, чем добро, определяет ход истории и логику развития социальной жизни на каждом из отдельно взятых этапов.

Достоевский мечтал написать многотомную эпопею «Житие великого грешника». Но, строго говоря, подобная эпопея уже существовала к моменту рождения этого замысла. Ею можно считать всю мировую литературу как историю земного человека, который на протяжении многих веков грешил и каялся, совершал преступления и создавал шедевры, лежал во прахе и тянулся ввысь, умудрялся нести в себе одновременно «идеал содомский» и «идеал Мадонны».

Однако, несмотря на то что порок и преступление превратились практически в неотъемлемые атрибуты «жития великого грешника», они не стали для людей чем-то привычным, на что можно было бы взирать с совершенным спокойствием.

Преступление в качестве наиболее радикальной и опасной формы зла, несет в себе угрозу насильственного разрушения хрупких творений жизни, цивилизации и культуры. Отрицая, уничтожая, сокрушая, оно преждевременно приоткрывает для них бездну несуществования и этим напоминает все ту же смерть. Характерно, что оно порождает по отношению к себе приблизительно ту же эмоциональную реакцию, что и смерть, т. е. страх.

Феномен преступления и интеллектуальная печаль

Философия преступления ориентирована на поиск предпосылочных знаний о том, что приводит к появлению преступлений, что представляют собой их метафизические, социальные, антропологические, экзистенциальные основания. Ей важно понять, что побуждает людей переступить границы религиозно-нравственных и правовых норм, т. е. каковы *причины*, заставляющие их это делать. Одновременно она пытается обнаружить те ареалы, где эти причины лежат.

Если для искусства характерен преимущественный интерес к полноте созерцательно-феноменальных описаний, в которых рефлексия присутствует в латентных формах, то философия ориентирована на интеллектуально — эйдетическое воспроизведение смыслообраза преступления как такового и на постижение его сущности. При этом философское сознание достаточно отчетливо представляет, что сверхфизические основания как закона (номоса), так и беззакония (аномии и дисномии), большей частью скрыты от человеческого разума. Мышление пытается обнаруживать в изменчивых формах и контурах текучих феноменов субстанциальные сущности и довлеющие над ними универсальные первопринципы, но ему редко удается в полной мере утолить свою жажду истины. Интеллектуальная печаль, метафизическая тоска по ней, неизбывное томление духа, стремящегося к абсолютному знанию переходят от одних поколений мыслителей к другим, не давая человеческому «я» возможности испытать на этом пути высшее блаженство от прикосновения к абсолютной истине.

Рассматривать преступления только с этических позиций, доказывая их социальную ущербность и моральную несостоятельность, — не слишком сложное занятие, про-

дуктивность которого сомнительна. Во все времена морализирование мало кому помогало и слабо меняло что-либо в действительной жизни. Гораздо продуктивнее был иной путь — путь анализа, вскрытия глубинных оснований преступления как существенного атрибута человеческого бытия и мироустройства в целом.

Отчего, скажем, не представить, что если мир несет в себе бесконечное разнообразие возможностей, то преступление выступает в качестве одного из типовых способов экспериментирования с этими возможностями? Философское воображение вполне допускает такой ход исследовательской мысли

Устремленные в подобных направлениях усилия способны хотя бы в некоторой степени приподнять покров тайны над феноменом преступления. При этом важны не только естественно-физический и социальный уровни причинности, но и проблемы метафизической детерминации.

Духу, пребывающему в состоянии поисковой активности, присуща метафизическая ориентированность. И здесь он пользуется средствами как философии, так и поэзии, драматургии, романистики. Несомненно, что пристальное внимание правоведов к трагедиям Шекспира или явно выраженный профессиональный интерес криминологов к романам Достоевского во многом объясняется метафизической ориентированностью их творчества. И Шекспир, и Достоевский убеждают читателя в том, что закон и преступление представляют собой срединные звенья, связывающие человека с метафизической реальностью, со светлыми и темными первоначалами бытия.

Существуют темы, которые уже по своей природе изначально метафизичны. Это в первую очередь темы смерти, судьбы, греха, преступления. Разумеется, в любом, даже самом малом и, казалось бы, незначительном фрагмен-

те реальности можно обнаружить сверхфизическое содержание. Но указанные темы и стоящие за ними реалии занимают особое место из-за того, что имеют пороговую, пограничную природу экзистенциалов. Они столь явно сопредельны трансцендентной реальности, что через них духовному зрению человека открываются те грани бытия, которые во всех остальных явлениях и ситуациях по разным причинам скрывают свою метафизическую природу.

Философское и художественное сознание обладают способностью погружаться в глубину реальности, которую человек именуется бытием. У этой реальности имеется множество проблемных уровней. И чем глубже располагается исследуемый слой, тем он менее прозрачен для философско-художественного анализа, тем труднее мыслителю-исследователю отыскать необходимые средства, позволяющие высветить интересующее его содержание.

Гениальный художник, выступая в роли наблюдательного бытописателя нравов, способен соперничать с самым одаренным социологом. Проникая в сокровенные мотивационные сферы криминального сознания, он может выказать себя блестящим психологом. Но если он к тому же обладает тонкой метафизической интуицией, то это позволяет ему обнаружить скрытые от большинства людей тайные связи человеческих мотивов и поступков с трансцендентным миром высших начал и смыслов, а также облечь открывшееся в соответствующие художественно-философские символы.

Таким художникам-мыслителям, как Данте, Шекспир, Гофман, Достоевский, обладавшим предельно обостренным метафизическим слухом, зло представлялось не только в его социальных и психологических ипостасях, но и в более эзотерических манифестациях.

Писатель-философ — одновременно и эмпирический индивид, погруженный в «заботы суетного света», и метафизическая личность, чье «сверх-я», обладающее духовным зрением и слухом, глубинной памятью и метафизической интуицией, живет внутри него и остается навечно в создаваемых им творениях. Творческий дар гения питают родники, располагающиеся как внутри его «я», так и за пределами его сознания, в сверхфизическом мире. Потому он и способен проникать сквозь внешнее и очевидное в запредельные сферы, создавая произведения, относящиеся к жанру «сквозящего реализма».

У Пушкина есть мысль, пронизанная мудрой иронией: «Поэзия должна быть глуповатой». В равной степени нечто подобное можно было бы сказать и о метафизике. Только бескрылый рассудок, вышколенный расхожими стереотипами формальной логики, может с предельно серьезным усердием выстраивать свои объяснительные схемы и ощущать себя хозяином на крохотных «пяточках» физических и социальных пространств. Метафизическое «я» не пытается с ним состязаться и с позиции «Эвклидова» рассудка часто ведет себя, как и поэзия, «глуповато». С рассудочных позиций Сократ, утверждавший, будто бы он знает, что ничего не знает, сказал глупость. Рассудку и невдомек, что в этой фразе вынесен приговор ограниченному, приземленному рассудочному знанию и что именно она открывает бесконечные перспективы перед познавательными устремлениями метафизического «я».

В свете того же рассудочного взгляда на вещи «глупо» ведут себя и Раскольников, и Подпольный господин, и Ставрогин, и князь Мышкин, и вообще бóльшая часть героев Достоевского. Но это именно та «глупость», что умнее иного ума. Не будь ее, вряд ли мы узнали бы от Досто-

евского что-либо новое о человеке и о его способностях к взлетам и падениям.

Метафизически ориентированная литература — важное средство постижения сущности преступления. Она способна проникать в такие смысловые глубины криминальных коллизий, в такие тайники криминальной мотивации, до которых позитивное научное познание вряд ли когда-нибудь доберется.

Каждый мастерски выполненный художественный образ представляет собой настоящий смысловой лабиринт, по извилам которого человеческая мысль может плутать бесконечно. Он выступает как нечто гораздо большее, чем просто эстетический феномен. Семантическая неисчерпаемость образов и судеб героев-преступников Достоевского такова, что окончательное слово о них скорее всего никогда не будет сказано. Наполняющее их метафизическое содержание переливается через край литературных форм и дает богатый материал для философских размышлений о природе нравственного Закона и сущности преступлений против него.